



Вера
Рудецкая

БЕСПОЩАДНЫЙ
СЕРДЦЕ ПАЛАЧА

18+

Вера Рудецкая

Сердце палача. Беспощадный

<https://litres.ru/74296222>

SelfPub; 2026

Аннотация

В день своей свадьбы я стала пленницей старого врага семьи. Эмир — бизнесмен из Турции, живущий мстью. Пятнадцать лет он готовился разрушить всё, что дорого моему отцу. Теперь я — его оружие. Он запер меня в загородном доме и контролирует каждый шаг. Я знаю, что должна его ненавидеть, но... Но с каждым днём мне всё труднее понять, кто из нас пленник на самом деле.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Вера Рудецкая Сердце палача. Беспощадный

Глава 1

Я стою в центре зала в платье стоимостью с квартиру в центре Москвы и чувствую себя товаром на аукционе. Белый шёлк, расшитый тысячами жемчужин, холодит кожу. Каждая жемчужина весит как камень, притягивая меня к земле, не давая дышать.

Костя держит мою руку. Его пальцы холодные и сухие. Я смотрю на его профиль — идеальный, словно высеченный из мрамора, и такой же безжизненный. В его серых глазах нет ни искры интереса ко мне. Я для него — пункт в договоре, подпись на контракте, который свяжет две империи.

Регистратор, что приехал только ради нас, монотонно бубнит о любви и верности. Какая ирония. В этом браке не будет места любви — только расчёт, власть и деньги. Я украдкой оглядываю зал. Столько гостей в дорогих костюмах и платьях от кутюр. Половина из них — криминальные авторитеты, прикрывающиеся масками уважаемых бизнесменов. Другая половина — политики и чиновники, купленные

моим отцом.

Отец сидит в первом ряду, прямой как палка. На его лице — удовлетворение человека, заключившего выгодную сделку. Он смотрит на меня без тени отцовской нежности, оценивающе, как на племенную кобылу, которую удачно пристроил. Это ранит сильнее, чем равнодушие жениха.

— ...Согласна ли ты взять в мужа Константина... — голос регистратора вырывает меня из мыслей.

— Да, — отвечает за меня Костя.

Регистратор кашляет и повторяет вопрос, обращаясь ко мне. Я открываю рот, но слова застревают в горле. В зале повисает напряжённая тишина. Костя сжимает мою руку сильнее — предупреждение.

И в этот момент мир взрывается.

Свет гаснет разом — все люстры, бра, даже аварийное освещение. Кромешная тьма обрушивается на зал. Женщины визжат, мужчины ругаются, кто-то опрокидывает стулья. Паника накрывает толпу волной.

Грохот. Двери в зал вылетают с петель, и звон хрустальных подвесок на люстрах тонет в женских криках. В проёмах — тёмные силуэты с фонарями, выхватывающими из мрака блеск оружия.

Люди в чёрной форме врываются внутрь. Они действуют молча и безжалостно, оттесняя паникующую толпу к стенам тычками автоматов. Это не ограбление. Это спланированная атака.

За несколько секунд центр зала пустеет. У алтаря остаёмся только мы: я, застывший рядом Костя и регистратор, который, кажется, забыл, как дышать.

И когда воцаряется тишина, нарушаемая лишь всхлипами гостей, в зал входит мужчина.

Его взгляд прикован ко мне, и он идёт прямо на меня.

Высокий, широкоплечий, с лицом хищника. Чем ближе он подходит, тем лучше я его вижу. Тёмные волосы, смуглая кожа, тонкий шрам пересекает левую бровь. Его глаза — два чёрных омута, в которых плещется ярость.

Костя пытается заслонить меня, но незнакомец отшвыривает его одним движением руки. Мой жених — тряпичная кукла в руках этого человека.

Мужчина останавливается в шаге от меня. От него пахнет грозой и опасностью. Не говоря ни слова, он тянется к моей голове. Я дёргаюсь назад, но он быстрее. Его пальцы срывают фату. Тонкое кружево падает на пол.

— Не смей! — кричу я, но он уже обхватывает мою талию.

Его руки — стальные тиски. Он поднимает меня без усилий, прижимая к груди. Я бью кулаками по его плечам, пинаюсь, но это всё равно что биться о каменную стену.

— Отпусти! Помогите!

Никто не приходит на помощь. Охрана отца сдерживается его людьми — слишком нервны силы. Гости в панике прижимаются к стенам. Костя дрожит в тени стола.

Незнакомец несёт меня к выходу, и тут я вижу отца. Он

смотрит на похитителя. На его лице — узнавание. В глазах — шок и... страх? Илья Романов, человек, которого боится пол-Москвы, трясётся при виде этого человека.

— Папа! — кричу я, но он не реагирует.

Похититель останавливается у дверей. Оборачивается и громко говорит отцу:

— Заплатишь за каждую каплю крови.

Голос низкий, с лёгким акцентом. В нём столько яда, что хочется вырваться и убежать.

Отец молчит. Просто смотрит, как меня уносят, и ничего не делает.

Холодный октябрьский воздух обжигает лёгкие. Меня заталкивают в чёрный внедорожник. Дверь захлопывается, отрезая от мира. Машина срывается с места.

— Кто ты? Что тебе нужно? — мой голос срывается.

Похититель смотрит на меня, и в его глазах — пожар.

Молчит.

— Я никуда с тобой не поеду, — рычу я.

— Характер показываешь? Мне нравится.

Он хватает меня за руки, прежде чем я успеваю хорошенько расцарапать ему лицо. Но всё-таки оставляю пару отметин. Я вскрикиваю, но его рука в ту же секунду накрывает мой рот. Я впиваюсь в неё зубами.

Он шипит и отпускает меня. На мгновение я думаю, что смогу выскочить из машины, но он разворачивает меня к се-

бе лицом и засовывает мне в рот тряпку.

— Нет, — пытаюсь сказать я, но мои слова заглушены.

Я хочу вырвать тряпку, но его руки сжимают мои. Брыкаюсь, дерусь и пинаюсь. Но я недостаточно сильна против похитителя.

Мне удаётся ударить его ногой по колену, и звук, что он издаёт, доставляет удовольствие.

Когда он ослабляет хватку, я вырываю тряпку изо рта. И кричу. Я кричу как резаная. Я кричу, пока горло не начинает болеть, будто вот-вот разорвётся.

Он достаёт что-то из пакета. Резкий химический запах бьёт в нос. Я пытаюсь отвернуться, но он сильнее. Ткань прижимается к лицу. Я задерживаю дыхание, но лёгкие горят. Делаю судорожный вдох.

Мир расплывается. Последнее, что я вижу — его глаза. Чёрные, как ночь, в которую я проваливаюсь.

Глава 2

Просыпаюсь от пульсирующей боли в висках. Во рту — вкус ваты и химии. Веки тяжёлые. Несколько секунд я просто лежу, пытаюсь вспомнить, где я.

Свадьба. Погасший свет. Мужчина с тёмными глазами. Хлороформ.

Распахиваю веки и сажусь. Голова кружится, перед глазами плывут цветные пятна. Я всё ещё в свадебном платье — измятом, со следами грязи на подоле. Жемчужины больно впиваются в рёбра. Туфель нет.

Комната обычная. Не подвал с цепями, как я ожидала. Светлые стены, простая мебель, бежевые шторы. На тумбочке стакан воды и две таблетки аспирина. Словно похититель заботится о моём самочувствии. Какая ирония.

Встаю, придерживаясь за спинку кровати. Ноги подкашиваются, но я заставляю себя дойти до окна. За стеклом — лес. Бесконечные ряды сосен, уходящие к горизонту. Ни домов, ни дорог. Только деревья. Мы далеко от города — возможно, в сотне километров от ближайшего населённого пункта.

Дверь открывается. Я резко оборачиваюсь.

Это он. Похититель.

При дневном свете он выглядит иначе. Моложе — лет тридцать, не больше. Чёрные волосы чуть растрёпаны, на

скуле — царапины от моих ногтей. Он переоделся в джинсы и чёрную футболку. Выглядит почти обычно. Если не считать глаз — тёмных, холодных, оценивающих. В них — та же ярость, что я видела вчера, только приглушённая, загнанная вглубь.

— Очнулась, — констатирует он. Голос низкий, акцент и правда есть — не показалось.

— Где я? — мой голос хриплый, горло саднит.

— Далеко от дома.

— Где конкретно?

— Тебе это знание ничего не даст.

Я делаю шаг к нему, сжимая кулаки.

— Что ты хочешь? Деньги? Мой отец заплатит, сколько скажешь.

— Твой отец, — он выплёвывает эти слова, — уже знает, чего я хочу. — Он подходит ближе. Я отступаю, пока не упрусь спиной в стену. — За пятнадцать лет боли. За разрушенную семью. За смерть.

— Я не понимаю...

— И не нужно. Ты — просто инструмент.

— Я не инструмент! — толкаю его в грудь. Он даже не шелохнётся. — Я человек! У меня есть жизнь, семья...

— Семья? — он усмехается. — Отец, который продал тебя за альянс с бизнесом твоего жениха? Это твоя семья?

Слова бьют сильнее пощёчины. Потому что в них — правда.

— Он не продал...

— Нет? А как ещё назвать брак ради выгоды?

— Это не твоё дело!

— Теперь моё. И ты теперь моя.

— Я никому не принадлежу!

Пытаюсь пройти мимо него к двери, но он преграждает путь.

— Сядь, — приказывает он.

— Иди к лешему.

— Сядь, или я тебя усажу.

В его голосе нет угрозы — только спокойная уверенность. Я понимаю, что он не блефует. Но во мне просыпается упрямство.

— Боишься, что сбегу?

— Ты не сбежишь, — он говорит это так буднично, словно констатирует факт. — Здесь некуда бежать. Лес на десятки километров. Ни дорог, ни людей.

— Отец меня найдёт, — говорю я, хотя сама не уверена.

— Пусть попробует.

Что-то в его голосе заставляет меня присмотреться внимательнее. Кажется, он этого ждёт. Хочет, чтобы отец пришёл.

— Кто ты? — спрашиваю прямо.

Он долго смотрит на меня, словно решая, стоит ли отвечать.

— Тот, кого твой отец предпочёл бы забыть.

— У тебя есть имя?

— Можешь звать меня как хочешь, девочка. Это ничего не изменит.

Он отходит, но я понимаю — бежать некуда. Медленно опускаюсь на край кровати.

— Правила просты, — говорит он. — Не пытайся сбежать — всё равно не получится. Не кричи — никто не услышит. Не сопротивляйся — будет только хуже.

— А если я откажусь следовать твоим правилам?

Он снова приближается, наклоняется, и его лицо оказывается в сантиметрах от моего. Я чувствую запах его одеколona — дорогого, с хвойными нотками. Странно интимный момент в этом кошмаре.

— Тогда узнаешь, что я могу быть гораздо менее гостеприимным.

Я не отвожу взгляд. Не покажу ему страх. В его глазах мелькает что-то похожее на... уважение?

— Ты псих.

— Возможно, — он выпрямляется. — Привыкай.

Он уходит, закрывая за собой дверь. Щёлкает замок.

Я остаюсь одна в этой комнате-клетке. В свадебном платье, которое теперь кажется погребальным саваном.

Подхожу к окну, смотрю на бесконечный лес. Где-то там, за деревьями, моя прошлая жизнь. Отец, наверное, уже поднял на ноги всю свою армию. Или нет? Вспоминаю его взгляд в свадебном зале — холодный, расчётливый. Он знает этого

человека. Знает и... боится?

Илья Романов никого не боится. Но я видела страх в его глазах.

Что же ты натворил, папа? И почему расплачиваться приходится мне?

Глава 3

Долгое время из звуков — только птицы за окном и моё собственное дыхание.

Жду час. Два. Три.

Солнце поднимается выше, заливая комнату золотистым светом. В животе урчит — вчера я почти ничего не ела. Свадебный завтрак остался нетронутым, а после похищения... только вода.

Встаю с кровати. Свадебное платье липнет к телу, мешает свободно передвигаться. Ненавижу его. Иду в примыкающую ванную — хотя бы вода есть. Пью прямо из-под крана, холодная струя обжигает горло.

Возвращаюсь в комнату, иду к двери, дёргаю ручку. Заперто, конечно. Стучу кулаком по дереву.

— Эй! — голос срывается. — Ты там?

Тишина.

— Я знаю, ты меня слышишь!

Бью сильнее, пока костяшки пальцев не начинают ныть. Кричу, пока горло не начинает болеть. Никто не приходит.

К полудню силы на исходе. Сползаю по стене на пол. Это часть его игры — морить меня голодом, сломать волю. Классическая тактика. Но знание этого не делает голод менее реальным.

Заставляю себя встать. Нужно думать, а не жалеть се-

бя. Начинаю методично изучать комнату. Проверяю каждый угол, каждую щель. В углу под потолком — маленькая камера, красный огонёк мигает. Значит, он наблюдает.

Показываю камере средний палец.

Окно. Стекло толстое, двойное, с какой-то плёнкой между слоями. Бью по нему стулом — даже царапины не остаётся. Вентиляционная решётка под потолком слишком узкая, туда не пролезть даже ребёнку.

Я в ловушке. По-настоящему в ловушке.

Около шести вечера слышу шаги. Замок щёлкает. Дверь открывается. Он входит — спокойный, собранный, в тёмной рубашке и джинсах. В руках — одежда.

Бросает её на кровать.

— Переоденься. Потом пойдёшь на кухню.

Хочу броситься на него, выцарапать глаза, но ноги подкашиваются от слабости. Хватаюсь за спинку стула.

— Хочешь есть — будешь готовить, — добавляет он. — Для меня, для моих людей и для себя.

— Твоих людей?

— У меня здесь охрана. Им тоже нужен ужин.

— Я не служанка!

— Нет, — соглашается он. — Ты моя пленница. Что хуже. Переодевайся.

Выходит, но дверь оставляет приоткрытой.

Разворачиваю свёрток — джинсы, белая футболка, серая толстовка. Простая одежда, но чистая. Стягиваю проклятое

свадебное платье, швыряю его в угол. Больше никогда не надену белое.

Одежда велика, но это лучше, чем жемчужный корсет.

Выхожу в коридор. Он ждёт, прислонившись к стене.

— Пойдём.

Иду за ним, запоминая путь. Коридор широкий, картины на стенах — дорогие, но безвкусные. И кто их выбирал? Везде камеры. Дом богатый, но холодный.

Кухня огромная — мрамор, нержавеющей сталь, техника последнего поколения. На магнитной планке должны висеть ножи, но их нет. Ящики с замками.

— У тебя час, — говорит он, усаживаясь за барную стойку с ноутбуком. — Продукты в холодильнике. Приготовь что-нибудь съедобное. Надеюсь, умеешь.

Открываю холодильник. Овощи, мясо, сыр, молоко. Всё свежее. Но как готовить без ножей?

— Мне нужен нож, — говорю.

— Обойдётся.

— Как я нарежу овощи? Зубами?

Он встаёт, достаёт ключ, открывает один из ящиков. Вынимает нож, встаёт у стола.

— Что резать?

Злость закипает, но голод сильнее гордости.

— Помидоры, лук, чеснок. Для соуса.

Он режет быстро, профессионально. Надо же. Но и я не промах. Дома едой занимался повар, но готовка — моё хоб-

би. Особенно после смерти мамы.

Ставлю воду для пасты. В шкафах нахожу спагетти, оливковое масло, специи.

— Ты каждый день будешь морить меня голодом? — спрашиваю, помешивая соус.

— Зависит от твоего поведения.

— А если я откажусь готовить?

— Не будешь есть. Всё просто.

Добавляю соль в кастрюлю. Руки немного дрожат от слабости.

— Что ты хочешь от меня? — спрашиваю, не оборачиваясь.

Молчание.

— Как тебя зовут хотя бы?

Пауза.

— Эмир.

Эмир.

— Ты турок?

— Да.

— Откуда ты знаешь моего отца?

— Готовь.

— Что он тебе сделал?

— Готовь, Алина.

Бросаю пасту в кипящую воду.

— Твоя семья в Турции? Они знают, чем ты тут занимаешься? Похищаешь девушек, которые ни в чём не виноваты.

ты...

— Ты виновата. Ты дочь Ильи Романова.

— Это не преступление!

— Для меня — да.

Сливаю пасту, смешиваю с соусом. Запах заставляет же-
лудок сжаться от голода.

— Почему так хорошо говоришь по-русски? — пытаюсь
зайти с другой стороны.

— Я родился здесь. В России.

Ещё один кусочек пазла.

Накрываю на стол — две тарелки для нас. Ещё несколько
для его людей в соседней комнате.

Эмир пробует пасту, кивает.

— Сойдёт. Можешь есть.

Накладываю себе, ем торопливо, боясь, что он передума-
ет. Паста простая, но после суток голода кажется вкуснее лю-
бого ресторанного блюда.

— Помой посуду, — говорит он, когда я доедаю.

— Есть посудомойка.

— Руками надёжней. Научишься ценить простой труд.

— Я в жизни посуду не мыла!

— Тем более пора начать.

Встаю к раковине, включаю воду. Мыло пенится, тарелки
скользкие. Одна чуть не падает.

Эмир подходит сзади, смотрит через плечо.

— Воды много льёшь.

— Не учи меня!

— Видишь, принцесса, ты способна на простую работу.

Резко оборачиваюсь. Мы стоим слишком близко — я чувствую тепло его тела, запах одеколона с хвойными нотками. Его взгляд скользит к моим губам.

— Даже не думай, — выдыхаю я.

Мышца на его скуле дёргается. Эмир отступает.

— Вымой пол.

— Что?

— Ты расплескала воду. Вымой пол.

— Я никогда...

— Научись. Швабра в кладовке.

Нахожу швабру, ведро. Наливаю воду, добавляю моющее средство. Слишком много — пена лезет через край.

Эмир наблюдает, сидя за стойкой.

— На колени, — говорит вдруг.

— Что?

— Шваброй ты только размазываешь. На колени и тряпкой.

— Ты издеваешься?

— Выполняй.

Опускаюсь на колени. Джинсы сразу промокают. Тру пол тряпкой, чувствуя на себе его взгляд.

— Вот твоё истинное место, — комментирует он.

Поднимаю голову, смотрю ему в глаза.

— Тебе нравится унижать женщин? Это делает тебя силь-

ным?

— Женщин — нет. Только тебя.

— Почему? Что я тебе сделала?

— Ты дочь Романова. Этого достаточно.

Бросаю тряпку в ведро, встаю.

— Я не буду больше это терпеть!

Он поднимается, подходит медленно. Хватает за подбородок, заставляя смотреть на него.

— Не путай меня со своим отцом, принцесса. Я не получаю удовольствия от чужой боли. Это просто... необходимость.

В его голосе что-то ломается на секунду. Я вижу проблеск чего-то человеческого, уязвимого.

— А твой отец гордился бы тобой? — спрашиваю тихо.

Он отшатывается, как от удара. В глазах вспыхивает боль, тут же сменяясь яростью.

Резко тянет меня за запястье.

— Достаточно на сегодня.

Ведёт обратно в комнату, толкает внутрь.

— Теперь чтобы поест, ты должна заслужить еду, — бросает он.

И дверь захлопывается.

Глава 4

На тумбочке — бутылка воды и два яблока. Жест заботы или издевательство?

Сажусь на кровать, обхватываю колени руками. Эмир. Теперь у моего кошмара есть имя. И слабое место — его отец. Что бы ни случилось пятнадцать лет назад, рана всё ещё кровоточит.

Кусаю яблоко, обдумывая план. Я должна бежать.

За окном сгущаются сумерки. Где-то там мой отец. Ищет ли он меня? Или Эмир прав, и я всего лишь неудачная сделка, списанная в убытки?

Нет. Не буду так думать. Я выберусь отсюда. Так или иначе.

Просыпаюсь от тишины. Слишком глубокой, давящей тишины, какой не бывает в городе. Нет гудков машин, голосов прохожих, лая собак. Только шорох ветра в кронах деревьев за окном.

Сколько я здесь? День? Два? Три? Время размазалось в одно сплошное ожидание.

Встаю с кровати, подхожу к окну. Октябрьское солнце льётся сквозь стекло, но не греет. Лес выглядит мирно — золотые и багряные кроны, узкая тропинка, ведущая от дома куда-то вглубь. Но я знаю: это обман. Некуда бежать.

Или есть?

Я начинаю наблюдать.

Утром слышу шаги в коридоре — тяжёлые, размеренные. Эмир встаёт рано, около шести. Потом звуки на кухне — кофемашина, льющаяся вода. Где-то в семь он уходит, как мне кажется, — хлопает входная дверь, ревёт мотор.

Сажусь на кровать, обдумывая. Дверь заперта, окно тоже. Но Эмир не всемогущ. Вчера я видела у него ключи. Один из них — от моей комнаты. Другие — от других дверей в доме?

А что, если есть запасной ключ? Или способ открыть дверь изнутри?

Встаю, иду к двери. Осматриваю замок — обычный, не электронный. Поворотный механизм. В фильмах всегда открывают такие шпилькой или проволокой.

У меня нет ни того ни другого. Да я и не умею.

Оглядываю комнату. Кровать, тумбочка, шкаф, стул. Минимум мебели, минимум предметов. Эмир продумал всё.

Но не всё.

В ванной нахожу металлическую заколку — маленькую, для волос. Интересно, чья? Или он специально оставил? Не думаю.

Возвращаюсь к двери. Вставляю заколку в замок, пытаюсь повернуть. Ничего. Пробую ещё раз — металл скользит, гнётся.

Бросаю заколку на пол. Нужен другой план.

Эмир приходит около полудня. Я слышу его шаги за дверью. Щелчок замка, открывается дверь — и вот он передо

мной.

Входит с подносом. На нём — тарелка с бутербродами, стакан апельсинового сока, яблоко. Снова яблоко. Он что, думает, я кролик?

Ставит поднос на тумбочку, но не спешит уходить. Смотрит на меня оценивающе, словно проверяет — не сломалась ли его игрушка.

— Ешь, — говорит коротко. — Тебе нужны силы.

— Для чего? — спрашиваю резко. — Чтобы сидеть взаперти?

Он усмехается — едва заметно, уголком рта.

— Чтобы не заболеть. Мне не нужны лишние проблемы.

Какая трогательная забота. Я фыркаю, отворачиваюсь к окну.

— Заколку я заберу, — добавляет он спокойно, и я замираю. Откуда он знает? — В следующий раз будь изобретательнее.

Наклоняется и подбирает заколку. Встаёт у двери. Я по-прежнему сижу на кровати. Между нами — пара метров и километры недосказанного. Воздух густой от напряжения.

Я встаю, делаю шаг к нему. Потом ещё один. Он не отступает, но я вижу, как напрягаются его плечи, как сжимаются пальцы в кулаки.

— Что случилось с твоим отцом? — спрашиваю тихо.

Его лицо каменеет. Секунду он смотрит на меня так, словно я ударила его. Потом разворачивается и выходит, запирая

дверь за собой.

Я снова остаюсь одна.

Смотрю на поднос. Бутерброды с сыром и ветчиной, аккуратно нарезанные. Сок в высоком стакане.

Беру бутерброд, откусываю. Мне нужны силы.

Слышу шаги Эмира в коридоре. Потом на первом этаже. Звук открывающейся двери. Мотор машины. Тишина.

Он уехал?

Иду к окну, смотрю, как чёрный внедорожник исчезает между деревьями. Если он вернётся к вечеру, у меня есть несколько часов.

Несколько часов, чтобы что?

Оглядываю комнату заново. На этот раз внимательнее. Дверь — заперта. Окно — тоже.

Но должен быть способ. Всегда есть способ.

Иду в ванную. Маленькая, белая плитка на стенах, зеркало, раковина, унитаз, душевая кабина. Проверяю окно. А вот здесь не заперто. Как же он так меня недооценил. Окно, конечно, узкое, но я пролезу.

Осматриваю окно. Рама старая, краска облупилась. Когда делали ремонт, его почему-то не меняли. Пытаюсь открыть — заперто. Но задвижка изнутри, не снаружи.

Сердце колотится. Это шанс.

Тяну задвижку — не поддаётся. Ржавая, заклинило. Пробую ещё раз, изо всех сил. Металл скрипит, но сдвигается. Миллиметр. Ещё один.

Давай, давай...

Задвижка отходит со щелчком. Толкаю раму — окно открывается.

Холодный октябрьский воздух врывается внутрь, и я делаю глубокий вдох. Свобода так близко.

Высовываюсь наружу, оцениваю. Окно выходит на заднюю часть дома. Высоковато, но терпимо. Под окном — трава, опавшие листья. Прыгнуть можно.

Но не сейчас. Сейчас день, слишком светло. Если у Эмира есть камеры или люди поблизости, заметят.

Нужно ждать вечера. Когда стемнеет.

Закрываю окно на задвижку. Возвращаюсь в комнату, сажусь на кровать. Доедаю бутерброд, хотя не чувствую вкуса. Мысли скачут.

Вечером. Когда Эмир вернётся, я подожду, пока он уйдёт спать. Потом вылезу через окно и побегу. В лесу найду дорогу, доберусь до ближайшей деревни или трассы. Кто-нибудь поможет.

Должны помочь.

Смотрю на часы на стене — три часа дня. Ещё несколько часов до темноты.

Жду.

Глава 5

Эмир возвращается ближе к семи вечера. Я слышу его машину, потом шаги вниз. Долгое время он не поднимается.

Я жду. Сердце бьётся так громко, что, кажется, он услышит через стены.

В восемь он, наконец, приходит. Открывает дверь, заходит с тарелкой — рис с овощами, стакан воды. Ставит на тумбочку.

— Ешь, — говорит коротко.

Я беру тарелку, ем молча. Он стоит у двери, смотрит. Я чувствую его взгляд на себе, но не поднимаю глаза.

— Ведёшь себя тихо, — замечает он. — Это хорошо.

Не отвечаю. Доедаю рис.

— Спокойной ночи, — бросает он и уходит, запирая дверь.

Я выдыхаю.

Жду ещё час. Слушаю звуки дома — его шаги в коридоре, скрип ступенек, двери. Потом тишина. Он в своей комнате? Или ушёл куда-то?

Неважно. Времени нет.

Встаю, иду к шкафу. Открываю — там висят несколько вещей. Мужские рубашки, джинсы. Достая толстый серый свитер — слишком большой, рукава болтаются, но тёплый. Натягиваю поверх футболки.

На полке нахожу тёмную кепку. Беру и её — может пригодиться, чтобы закрыть светлые волосы.

Еда. Проверяю тумбочку — осталось одно яблоко. Засовываю в карман. Больше ничего нет.

Иду в ванную. Закрываю дверь — вдруг он придёт проверить? Открываю окно. Холодный воздух ударяет в лицо. За окном почти темно — только бледный свет луны сквозь облака.

Высота небольшая. Справлюсь.

Подтягиваюсь, просовываю голову и плечи в окно. Узковато, но вполне пролезаю. Сгорбленная, сажусь на подоконник, свесив ноги наружу. Руками держусь за раму.

Под ногами — узкий карниз, сантиметров двадцать шириной. Дальше — прыжок вниз.

Сердце колотится так, что больно в груди. Делаю глубокий вдох. Отпускаю раму, встаю на карниз. Шатаюсь — почти падаю, но ловлю равновесие.

Отталкиваюсь, потом прыгаю.

Полёт длится секунду. Приземляюсь в кучу листьев и старой травы. Удар, хруст веток. Резкая боль прошивает правую лодыжку — я кричу, но зажимаю рот рукой.

Чёрт, чёрт, чёрт.

Ногу подвернула. Я пытаюсь встать — боль обжигает, но нужно терпеть. Главное, чтобы не перелом. Наверное, просто ушиб.

Встаю, хромаю пару шагов. Больно, но идти можно.

Оглядываюсь. Дом тёмный, только одно окно светится на втором этаже. Эмир там? Или это просто ночник?

Не жду, чтобы узнать.

Бегу к забору. Вернее, хромаю, прижимая руку к боку. Нога стреляет болью с каждым шагом, но я сжимаю зубы и иду.

Забор невысокий — метра два, с решёткой, а значит, можно перелезть. Странно, что так просто. Но зачем укреплять, если вокруг лес на десятки километров? Кто полезет в чащу добровольно?

Я полезу.

Хватаюсь за верхний край, подтягиваюсь. Нога плохо слушается, но адреналин помогает. Медленно перелезаю через ограду и соскальзываю на другую сторону. Падаю на колени, снова больно, но поднимаюсь.

Всё. Я вне территории.

Бегу в лес.

Первые десять минут я просто бегу. Бегу, не оборачиваясь, продираясь сквозь кусты и ветки. Они хлещут по лицу, цепляются за свитер, но мне всё равно.

Я сбежала. Я свободна.

Эйфория поднимает меня, несёт вперёд. Нога болит, лёгкие горят, но я улыбаюсь. Впервые за несколько дней.

Но потом эйфория уходит. Замещается холодной реальностью.

Лес. Вокруг только лес. Деревья, деревья, бесконечные ря-

ды деревьев. Ни тропинок, ни дорог. Темно — только лунный свет пробивается сквозь кроны, и то местами.

Останавливаюсь, оглядываюсь. Куда я иду? Куда вообще нужно идти?

Не знаю. Просто иду вперёд. Должна же где-то быть дорога? Или деревня? Что-нибудь.

Шаги даются всё труднее. Листья мокрые, скользкие, проваливаются под ногами. Джинсы промокают от росы. Холод пробирается под свитер, забирается под кожу.

Октябрь. Ночь. Температура падает. У меня нет телефона, фонаря, воды. Только яблоко в кармане и чужой свитер на мне.

Я иду дальше. Обхожу деревья, продираюсь сквозь кусты. Всё выглядит одинаково. Одно дерево как другое. Один куст как другой.

Сколько прошло времени? Двадцать минут? Час?

Не знаю.

Паника подкрадывается тихо, как зверь. Сначала лёгкая тревога: а туда ли я иду? Потом сомнение: а если заблудилась? Потом страх — а вдруг здесь обитают дикие звери?

Останавливаюсь, оборачиваюсь. Никаких ориентиров. Дома не видно — давно скрылся за стволами.

Пытаюсь вспомнить, откуда пришла. Оттуда? Или оттуда?

Блуждаю дальше. Нога болит всё сильнее — каждый шаг отдаётся пульсирующей болью в лодыжке. Наверное, не просто ушиб. Может, вывих.

Идти становится мучительно.

Где-то слева хрустнула ветка. Резко. Громко.

Замираю.

Что это? Животное?

Вспоминаю передачи про дикую природу. В российских лесах водятся... кабаны? Волки? Медведи?

Боже, медведи.

Я из Москвы. Я бывала на Мальдивах, в Париже, на Корсике. Я никогда не была одна в лесу ночью. Особенно в таком диком лесу. Я не знаю, что здесь водится. Я даже не знаю, в каком я регионе.

Ещё один шорох. Ближе.

Бегу. Хромаю, спотыкаюсь, но бегу. Ветки хлещут по лицу, одна царапает щёку. Тепло крови на коже.

Нога подворачивается снова — я кричу, падаю. Руки упираются в мокрые листья, колени в землю. Боль взрывается в лодыжке, такая острая, что перехватывает дыхание.

Не могу. Не могу дальше.

Ползу к ближайшему дереву, прислоняюсь спиной к стволу. Обхватываю больную ногу руками. Слёзы текут сами — от боли, от страха, от бессилия.

Я сбежала. Но что дальше?

Я одна в лесу. Без телефона, без света, без понятия, где я. С раненой ногой. В темноте.

Что теперь? Ждать утра? Идти дальше?

Не могу идти. Нога не держит.

Дрожу от холода. Свитер промок, волосы тоже. Зубы стучат.

Пора признать — я окончательно заблудилась, и теперь даже обратно не смогу вернуться.

Где-то близко снова шорох. Потом ещё один. Что-то движется в темноте.

Слёзы текут сильнее. Я вытираю их рукавом, но они не останавливаются.

Папа, где ты? Ищешь ли ты меня?

Или Эмир прав, и я никому не нужна?

Плачу, обхватив колени, прижавшись к дереву. Холод, боль, темнота — всё сливается в один сплошной кошмар.

Неужели всё закончится здесь, в этой темноте?

Глава 6

Шорохи затихают. Лес замирает, словно притаился, выжидая.

Но не успеваю я выдохнуть, как шаги возобновляются — но иначе. Не хаотичная возня в подлеске, не случайный треск веток. Чёткий ритм. Медленный, целенаправленный шаг по мокрым листьям. Раз. Два. Пауза. Снова. Кто-то идёт уверенно, будто знает, куда направляется.

Сердце обрывается, а потом бьётся так сильно, что, кажется, его стук разносится по всему лесу. Я пытаюсь убедить себя, что это галлюцинация — усталость и страх играют со мной злую шутку. Но шаги слишком... методичны. Дикое животное? Животное двигалось бы иначе — крадучись или, наоборот, ломаясь через кусты. Это что-то другое.

Или кто-то.

Тот, кто идёт по моему следу, не торопится. Знает, что я никуда не денусь. Что я слишком слаба, чтобы убежать, и слишком напугана, чтобы позвать на помощь. Хотя кого звать в этой глуши?

Вот отредактированный и расширенный вариант:

Не понимаю своих чувств. Страх переплетается с каким-то извращённым облегчением при мысли, что это может быть мой похититель. По крайней мере, уже знакомое зло. И он не даст мне умереть здесь одной — хотя бы потому, что

я ему зачем-то нужна живой. Надеюсь на спасение и одновременно ненавижу себя за эту надежду. Как можно желать возвращения в плен? Но альтернатива — медленная смерть в этом проклятом лесу, где меня найдут через недели, а может, и никогда.

Я не могу дышать. Воздух застревает в горле, каждый вдох — борьба. Пытаюсь отползти в кусты, спрятаться за поваленным стволом, хоть куда-нибудь, но тело не слушается. Руки дрожат, пальцы скользят по мокрой земле, не находя опоры. Лодыжка пульсирует огнём, отказываясь даже шевелиться. Каждая попытка сдвинуться с места отзывается такой болью, что перед глазами темнеет.

Я застряла.

А может, часть меня хотела застрять. Хотела, чтобы он меня нашёл. Потому что выбор между пленом и смертью слишком очевиден.

Внезапно тьму разрывает свет. Слепящий, агрессивный луч фонарика, выхвативший меня из темноты. Он бьёт прямо в глаза, ослепляя, превращая мир в белое пятно, за которым маячит силуэт.

Дыхание превращается в тонкий, свистящий звук. Грудь сдавливает ледяными тисками — ощущение, будто рёбра вот-вот провалятся внутрь. Я задыхаюсь.

Паническая атака. Только не сейчас...

Волна накрывает, лишая возможности двигаться, видеть, думать. Звук в ушах превращается в нарастающий, оглуша-

ющий гул. Руки немеют, пальцы сводит судорогой. Я начинаю заваливаться набок, хрипя. Я не могу вдохнуть, не могу найти себя. Это чистое, физическое бессилие.

Луч фонаря фиксирует меня, и я вижу его силуэт. Он стоит напротив, держа фонарь так, чтобы видеть мою агонию.

Эмир.

Он подходит в два широких шага, опускается на колени. Его лицо — маска из стали и разочарования. В его глазах нет ни одной искры облегчения, только ледяной расчёт. Но я не слышу гнева, только чёткий, сухой приказ:

— Слушай меня. Дыши. Раз. Два...

Он приказывает. Достает бутылку, отвинчивает крышку и резко прижимает горлышко к моим губам. Я чувствую холод.

— Пей. Смотри на свет.

Вкус холодной воды. Я делаю судорожный глоток. Его голос, низкий и ровный, пробивается сквозь гул в голове, как метроном:

— Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Он держит мой взгляд. Его рука на моей щеке — холодная как лёд, но... заземляющая. Она — единственная точка контакта с реальностью.

Я повинуюсь. Свист в лёгких стихает. Делаю первый, второй нормальный, хоть и неглубокий, вдох. Тело, минуту назад готовое взорваться, медленно возвращается в нормальное состояние. До меня доходит: он знает, что делать. Точно знает...

Когда приступ отступает, тишина становится оглушительной.

Эмир убирает флягу, закручивает крышку с тихим щелчком. И вот теперь гнев.

— Ты доигралась, Алина. Я дал тебе свободу в пределах дома, и ты использовала её, чтобы подвергнуть себя опасности. Сколько времени я потерял на эту глупость?

Он встаёт, даже не отряхиваясь. Фонарь он гасит, и тьма снова обволакивает нас, но теперь я не одна.

Он не ждёт ответа, не ждёт извинений. Снимает с себя тёмную, тяжёлую куртку на меху, пахнущую лесом и им. Куртка падает на мои плечи, обволакивая внезапным, чужим теплом. Жест почти заботливый, но исполнен с такой яростью, что больше напоминает угрозу.

— Вставай.

Я пытаюсь подняться, хватаясь за шершавый ствол. Напрягаю тело, чтобы не показать, как больно. Он не помогает.

— Идём, — командует он, когда мне удаётся подняться.

Я хромаю. Шаг. Боль. Острая, невыносимая. Шаг. Ещё шаг. Свитер, кепка, яблоко в кармане — всё это теперь кажется насмешкой над моим побегом.

Стараюсь идти быстрее, чтобы не отстать, чтобы не разозлить его ещё сильнее. Боль в лодыжке взрывается, будто в ней провернули нож. Я делаю шаг, нога подворачивается, и я лечу вниз. На этот раз крик вырывается наружу, чистый, отчаянный, полный боли и окончательной капитуляции.

Эмир останавливается. Его терпение иссякло.

Он наклоняется, хватая меня за талию и бёдра, резко перекидывает через плечо. Мир переворачивается. Я вишу, как мешок с картошкой. Это унижительно, но я не смею произнести ни звука.

Моё лицо прижато к его спине, я чувствую каждый его вдох и выдох. От него исходит холодная, яростная энергия.

Я спасена. И я поймана.

Обратный путь — минута вечности. Он несётся сквозь кусты, ни на мгновение не замедляясь. Ветки бьют по моим ногам, но я не чувствую ничего, кроме боли в лодыжке и страха. Я не сопротивляюсь. Я временно сдалась.

Мы входим в дом через ту же дверь, что и вчера. Я чувствую резкий контраст между ледяным воздухом снаружи и тёплым, сухим теплом прихожей.

Эмир поднимается по лестнице, его шаги гулко отдаются в тишине дома. Он проходит прямо в мою комнату и опускает меня на кровать.

Куртка соскальзывает с плеч. Я лежу, дрожа от холода, боли и страха. Каждый вдох даётся с трудом, рёбра протестуют, лодыжка пульсирует в такт сердцебиению.

Эмир стоит надо мной. Молчит. Просто смотрит, пока я пытаюсь отдышаться, пытаюсь унять дрожь. В полумраке комнаты его лицо кажется высеченным из камня. Я вижу его глаза — холодные, непроницаемые, как зимнее озеро, затянутое льдом. В них нет гнева. Что хуже — в них нет вообще

ничего, что я могла бы прочесть или понять.

Тишина растягивается, становится почти физически ощутимой, давит на барабанные перепонки.

И тогда он говорит:

— Ты сбежала. — Пауза, во время которой он изучает моё лицо, словно ища что-то. — И теперь нам нужно серьёзно поговорить о последствиях.

В его голосе нет угрозы.

Но от этого становится ещё страшнее.

Глава 7

Он отходит к тумбочке и достаёт из ящика дорожную аптечку. Она большая, профессиональная, как для полевых условий. Он опускается на колено рядом с кроватью, и я невольно отстраняюсь.

— Нога, — приказывает он.

— Что?

— Покажи ногу. Если перелом — повезу в больницу. Мне не нужны проблемы с неисправным товаром.

Больница была бы отличным выходом. Уж там я бы придумала, как бежать. Эмир ухмыляется. Кажется, он понимает ход моих мыслей.

Я подтягиваю джинсовую штанину. Кожа посинела, отекла.

Эмир прикасается к ней, и я сжимаю зубы. Его пальцы холодные, но неожиданно осторожные. Он прощупывает кость методично, и я понимаю — он делал это раньше. Может, и не раз.

— Где ты научился? — срывается у меня.

Он не поднимает головы.

— В местах, где врачей не дождёшься.

Его прикосновение странно интимно, хотя в нём нет ничего личного. Просто его руки на моей коже. Я смотрю на его склонённую голову, на тёмные волосы, на напряжённые пле-

чи под чёрной рубашкой. На его скуле — свежая царапина.
— Вывих. Или сильное растяжение. Какое-то время старайся не ходить.

Он достаёт охлаждающий гель. Действует быстро, точно. Я не могу оторвать взгляд от его рук. Смуглых, сильных, со шрамом через костяшки указательного пальца.

— У тебя кровь, — говорю я, кивая на его скулу.

Эмир замирает на секунду. Поднимает глаза. В них — темнота.

— У тебя тоже. — отвечает он. — Лес оставляет метки. Ты сама себя подвергла опасности. Не я. Я не быю женщин, Алина. В отличие от твоего отца.

Укол точный. Я сглатываю. Если бы отец не бил меня в детстве, я бы, наверное, засмеялась от абсурда. Но он бил. Однако Эмир хуже. Синяки заживают. А то, что он делает со мной — нет. Отец оставлял следы на теле. Эмир оставляет их на душе.

— Мой отец... Он...

— Нет, — усмехается Эмир. — Мне неинтересно.

Он откладывает гель. Его взгляд скользит к моей щеке, к царапине, которую я получила в лесу. Эмир тянется к аптечке, достаёт кусочек ваты, смачивает антисептиком.

Прижимает к моей щеке.

Холод и жжение. Я вздрагиваю, но не отстраняюсь. Он слишком близко. Я вижу золотистые искры в его карих глазах, чувствую его запах.

— Зачем тебе это было нужно? — спрашивает он тихо, почти без злости. — Что ты получила, Алина?

— Надежду.

— Надежда здесь не выживает.

Его пальцы касаются моего подбородка — не грубо, но властно — разворачивая моё лицо к свету. Он изучает царапину, и я понимаю: он запоминает. Каждую метку. Каждое последствие моего побега.

— Ты мог оставить меня там, — шепчу я. — В лесу. И тогда твоя месть удалась бы.

Эмир отстраняется. На его лице мелькает что-то — раздражение? Или что-то другое?

— Мог, — соглашается он. — Но ты нужна мне живой.

— Зачем?

Он не отвечает. Встаёт, подходит к тумбочке. Достает из ящика что-то чёрное, похожее на спортивный браслет. Опускается снова на колено — но на этот раз перед здоровой ногой.

— Что это? — Холод ползёт по позвоночнику.

— Ты доказала, что свобода в пределах дома тебе не подходит. Теперь получишь свободу в пределах пятидесяти метров от меня.

Он застёгивает браслет на моей лодыжке. Щелчок замка режет тишину. Браслет плотный, но не тесный.

— Это GPS-маяк. Выйдешь за зону — получу сигнал. Попытаешься снять — получишь разряд. Не смертельный, но

болезненный.

Я смотрю на него. Он всё ещё на колене передо мной, его лицо на уровне моего. Между нами — несколько сантиметров.

— Ты чудовище, — выдыхаю я.

— Ты только сейчас поняла?

Он не двигается. Мы смотрим друг на друга, и что-то меняется в воздухе. Напряжение перестаёт быть только враждебным. Оно становится... другим. Электрическим.

Эмир сглатывает. Я вижу, как дёргается его кадык.

— В следующий раз за тобой придут мои люди, — говорит он тише.

— Тогда почему ты сам искал меня в лесу?

Пауза. Долгая. Его челюсть напряжена.

— Потому что ты — моя ответственность.

— Я — твоя пленница.

— Это одно и то же.

Я долго смотрю ему в глаза и думаю, как бы сделать ему побольней. Вспоминаю наш прошлый раз, собираю остатки смелости и бью:

— Твой отец научил тебя этому, Эмир? Это он научил тебя похищать женщин, так? Или, может, мать?

Реакция мгновенная. Он резко отшатывается. В его глазах вспыхивает боль — острая, настоящая. Я вижу не хищника, а раненого человека.

Эмир хватается меня за подбородок. Его пальцы сжимаются

— не больно, но жёстко.

— Ты, — шипит он, наклоняясь так близко, что я чувствую его дыхание на своих губах. — Как ты смеешь говорить о моём отце. Дочь убийцы! Лучше не зли, или узнаешь меня настоящего.

Он не отпускает меня. Мы застыли — его лицо в сантиметре от моего, пальцы на коже, глаза жгут.

— Я тебя предупреждаю, — добавляет он хрипло. Отпускает и резко выпрямляется. Отступает к двери. Оборачивается и добавляет: — Ещё один фокус с твоей стороны и ты пожалеешь, что не пропала в лесу.

Эмир выходит. Я жду щелчка замка.

Но он не запирает дверь.

Она остаётся прикрытой.

Я смотрю на браслет и на незапертую дверь.

— Это ты пожалеешь, когда отец меня найдёт, — цежу я, но сама себе не верю.

Глава 8

Я прислоняюсь к изголовью кровати, чувствуя, как адреналин медленно покидает тело, оставляя после себя только пустоту, боль и чувство безысходности. Смотрю на браслет, который кажется мне тяжелее цепи.

Я его ненавижу. Но на мгновение это чувство смешалось с острой, физической реакцией на его близость. Когда он прижимал антисептик к моей щеке, когда его руки были на моей лодыжке, я ощущала его силу. Должно быть, у меня Стокгольмский синдром. Иначе не могу это объяснить.

Я просидела в тишине почти час. Боль в лодыжке не давала мне уснуть, и мозг работал, как бешеная машина. Побег провалился. Физическая борьба проиграна. Пока.

Осталась только психологическая битва.

Если я не могу бежать, я должна атаковать. Найти трещину в его броне. И единственная трещина, которую я видела, — это та, что касается его прошлого, его боли.

Я хромаю к двери, то опираясь на стул, то хватаясь за стену. Стул гремит по паркету, но я игнорирую шум. Дохожу до двери.

Делаю шаг в коридор. Лодыжка протестует огнём, но я сжимаю зубы. Ступаю осторожно, прислушиваясь к сигналам браслета. Тишина. Зона контроля не сработала. А может, он следит за мной. Или его приспешники, которые каж-

дую минуту сообщают, чем я занимаюсь. Смотрю наверх по углам. Точно! Вижу камеры. Ухмыляюсь.

Я иду, опираясь на стену. Коридор широкий, в конце — лестница. Я вижу свет внизу, в той части дома, где обычно сидит Эмир.

Медленно спускаюсь по лестнице. Каждый шаг — испытание. Я почти уверена, что он знает — я здесь, но не вмешивается. Ждёт. Проверяет, насколько далеко я зайду.

Внизу я и правда вижу его. Эмир сидит в кресле за большим письменным столом, освещённым единственной настольной лампой. Верхний свет погашен. На Эмире та же чёрная футболка. Он смотрит в экран ноутбука, на его лице — маска холодного сосредоточения.

Он говорит в гарнитуру, и я слышу его низкий, гортанный голос. Говорит на турецком. Я, конечно, не понимаю ни слова.

Эмир заканчивает разговор, закрывает ноутбук. Только сейчас замечает меня. Или решает показать, что заметил. Его глаза, чёрные омуты, поднимаются. Ни гнева, ни удивления. Только холодное ожидание.

— Твоя нога, — констатирует он.

— Я пришла поговорить. — Делаю хромающий шаг к столу, по пути щёлкая выключатель на стене, но ничего не происходит.

— Люстра сломана, — говорит Эмир.

Я останавливаясь в двух метрах от него и смотрю.

— Я всё сказал, Алина. Последствия объяснил. Не понимаю, что ты здесь делаешь.

— Ты думаешь, можешь меня контролировать? — Я делаю ещё шаг.

— Да.

— Нет, — я делаю последний, самый трудный шаг, оказываясь прямо перед столом.

Он встаёт. Резко. В одно движение. Стол между нами перестаёт быть препятствием. Его глаза темнеют, в них просыпается та ярость, которую он до сих пор сдерживал.

— Не играй со мной. Ты не знаешь, чем рискуешь.

— Знаю, — я поднимаю руку и с самым невинным видом касаюсь его скулы. Провожу пальцем по той самой царапине, которую я оставила ему в машине. — Я видела твой гнев, Эмир. Видела твою боль. А теперь я хочу увидеть то, что ты прячешь за маской мстителя.

Это не флирт. Это атака. Я пытаюсь пробить его броню, используя себя как таран.

Эмир хватается меня за запястье. Его хватка — стальные тиски. Он притягивает меня к себе, прижимает к столу. Я чувствую его запах.

— Что ж. Ты сама напросилась.

Он наклоняется. Его рот накрывает мой. Это не поцелуй страсти. Это поцелуй власти, поглощения, гнева. Его губы жёсткие, требовательные, он врывается в мой рот, как завоеватель.

Я отвечаю на поцелуй. Не знаю, что это: шок, ненависть, или животный инстинкт ответить на сильное давление. Мой мозг кричит: «Нельзя!», а тело... тело впервые за несколько дней чувствует себя живым.

Я вцепляюсь пальцами в его плечи. Поцелуй становится глубже, яростнее. Эмир отталкивает стул, он прижимает меня к столу, так, что становится больно.

Внезапно в момент, когда напряжение достигает апогея, он резко отрывается.

Эмир отталкивает меня. Я оседаю на стул, который чудом не упал. Он стоит, тяжело дыша, его грудь вздымается. В глазах — злость.

— Не смей, — рычит он, его голос низкий, сдавленный.
— Ещё раз провернёшь такое и заплатишься.

Он встаёт в центре гостиной.

— Уходи. Сейчас же. — говорит.

Я поднимаюсь, хромая. Губы горят от поцелуя. Поднимаю глаза к потолку, показывая, как мне всё это надоело.

И тут замечаю нечто совершенно неожиданное.

Массивная люстра прямо над головой Эмира начинает крениться, и я понимаю, что сейчас она упадёт.

В голове вспыхивает целая буря мыслей, и происходит это в какую-то долю секунды. Одна часть меня кричит: «Пусть обрушится на его голову, и я смогу освободиться», другая — думает только о том, что я должна ему помочь.

Выбор для меня очевиден.

Ноги срываются с места, прежде чем мозг успевает осознать решение.

— Эмир! — кричу я, бросаясь вперёд.

Боль в лодыжке взрывается белой вспышкой, но я игнорирую её. Три шага. Всего три шага отделяют меня от него, и я преодолеваю их быстрее, чем когда-либо думала, что смогу.

Врезаюсь в него всем телом, толкаю изо всех сил. Он не ожидает — его тело податливое, неготовое. Мы оба падаем на пол, я сверху, его руки инстинктивно обхватывают меня, смягчая падение.

В ту же секунду мир взрывается звуком.

Грохот. Звон разбивающегося хрусталя. Треск. Массивная люстра обрушивается на паркет точно там, где секунду назад стоял Эмир. Осколки разлетаются во все стороны, один из них царапает мою руку. Из раны сочится кровь.

Тишина.

Я поднимаю голову. Эмир подо мной, его грудь вздымается, глаза широко раскрыты — в них что-то, чего я не видела раньше. Шок. Полная дезориентация. Он смотрит на меня так, будто видит впервые, будто я — явление, которое не вписывается ни в одну известную ему схему.

Его губы приоткрыты.

Он молчит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.